

Цзюцин проводил братьев взглядом и мягко улыбнулся:

— Люцзин, ты ведь тоже это заметил? Се Биань прямо-таки дрожит над Фань Уцзю.

— Они братья по оружию, делили и жизнь, и смерть. Естественно, они дорожат друг другом, — спокойно отозвался тот.

Цзюцин лукаво прищурился:

— Да я не о той заботе. Я про другую... Ну, как между возлюбленными. Понимаешь?

Люцзин хоть и не видел в этом ничего предосудительного, но от такой пронизательности собеседника опешил.

— Неужели ты догадался?

Цзюцин посмотрел на него как на неразумное дитя:

— Я знаю их двадцать лет, а не двадцать дней. То, как Се Биань опекает Фань Уцзю и вечно за него заступается... Только слепой не разглядит.

Люцзин тихо вздохнул:

— И всё же один слепец нашёлся. Сам Фань Уцзю.

Цзюцин на миг растерялся, а затем сочувственно покачал головой:

— И то верно. Поди пойми, что у него в голове. Столько лет безответной любви... Тот, кого ты жаждешь, прямо перед тобой, вы каждый день вместе, а ты вынужден терпеть и молчать. Как он только держится?

Люцзин не сдержал смешок:

— А что ему остаётся? Взять силой?

Цзюцин шутливо поморщился:

— Какая пошлость. Всё, не разговаривай со мной.

Люцзин только руками развёл. Сам же начал этот разговор, а теперь обзывается.

— Возвращайся давай к делам, — Цзюцин снова повернулся к огромному котлу, ухватившись за длинную лопатку и принимаясь помешивать бурлящий отвар. — Ты последнее время совсем от рук отбился. Смотри, разжалует тебя господин Яньгу.

Люцзин глянул на небо. С тех пор как он вышел, прошёл добрый час.

— Ладно, пойду. Будет время — загляну.

Цзюцин небрежно махнул рукой, выпроважая гостя. Люцзин хмыкнул и зашагал прочь.

Поговорить с Яньгу о том, чтобы ненадолго отлучиться в мир живых, Люцзин так и не успел. В Палате Яньло разыгралась драма, ставшая, пожалуй, самым тяжёлым и запутанным делом за всё время его службы на посту судьи.

Черное и Белое Непостоянство доставили из Южного округа душу женщины. Ей было около тридцати. Её супруг скончался пятью годами ранее и всё это время добровольно оставался в Фэнду, дожидаясь её, чтобы воссоединиться в посмертии. Казалось бы, заурядная история, счастливый финал для любящих сердец. Но радостной встречи не получилось.

Когда открылись ворота дворца, Люцзин как раз сверял списки. Бычья голова и Лошадиная морда ввели подсудимых.

Женщину звали Бу Вань. Даже посмертие не стёрло следов её былой красоты и утончённого изящества. Едва ступив на холодные плиты зала, она рухнула на колени, простерев руки к судейскому возвышению.

— Владыка! Пощадите и внемлите! Молю о справедливости! — её голос сорвался на крик. Она буквально вжалась лицом в пол, заставив вздрогнуть даже привычных ко всему призрачных стражей.

Яньгу, сохранив на лице маску невозмутимого величия, лишь слегка повёл бровью:

— О какой несправедливости речь? Встань и говори толком.

Бу Вань медленно поднялась. Она смотрела с яростью, а её глаза были подёрнуты призрачной дымкой.

— Я хочу обвинить своего покойного мужа, Чу Суна. Он погубил меня! Злонамеренно лишил жизни!

Люцзин нахмурился. Услышав это, он поспешно раскрыл Книгу Жизни и Смерти, отыскав нужную страницу. Никаких пометок о насильственной кончине не было. Срок, причина — всё сходилось с естественным уходом.

— В Книге нет записей о том, что ты пала жертвой преступления, — подал голос Люцзин. — Ты утверждаешь, что Чу Сун убил тебя. Объясни, как это произошло.

— Если достопочтенный судья желает знать правду, почему бы не призвать сюда самого Чу Суна? Пусть ответит мне в глаза! — дерзко бросила Бу Вань.

Яньгу сделал едва заметный жест рукой:

— Привести Чу Суна.

Люцзин наклонился к Владыке и негромко спросил:

— Чу Сун... Это не тот ли малый, что прислуживает в лавке «Истинный аромат трупа»?

Яньгу едва заметно кивнул:

— Он самый. Пять лет назад утонул в реке. После смерти наотрез отказался от перерождения, выхлопотал право остаться в Фэнду и нанялся к тамошнему лавочнику.

Люцзин припомнил этого бедолагу. Тот умер от удушья в воде, и куда бы ни шёл его дух, за ним всегда тянулся мокрый след. Хозяин лавки даже отправлял его работать в огород — экономил на поливе грядок.

Вскоре призрачные конвоиры ввели обвиняемого. Ещё до того, как его фигура полностью соткалась из тумана, по каменным плитам Палаты расползлась тёмная лужа.

Увидев жену, Чу Сун подался вперёд, пытаясь поймать её ладонь:

— Вань-эр!..

Но женщина с отвращением отпрянула.

— Не смей ко мне прикасаться! Теперь, когда я мертва, ты наконец доволен?!

Чу Сун застыл, так и не опустив протянутую руку.

Люцзин постучал костяшками пальцев по столу, призывая к порядку:

— Бу Вань, успокойся. В Палате Яньло не место семейным ссорам. Твой муж здесь. Говори, в чём твоя обида.

Бу Вань бросила на Чу Суна испепеляющий взгляд, а затем вновь опустилась на колени перед Яньгу. Она мелко дрожала, с трудом сдерживая скопившуюся горечь.

— Владыка, пять дней назад, в ночь Фестиваля голодных призраков, Чу Сун воспользовался дозволением навестить мир живых. Но вместо того чтобы мирно принять подношения, он явился мне в своём призрачном облике. Он напугал меня до полусмерти и настойчиво твердил, что заждался меня в подземном мире, требуя, чтобы я поскорее отправилась за ним!

— Вань-эр... — тихо выдохнул Чу Сун.

При жизни он, должно быть, был весьма недурственен собой, но посмертие утопленника наложило свой отпечаток: призрачное тело казалось слегка отёкшим и бледным.

Правила Подземного царства строги. Духам, отпущенным на свидание с родными в срединный мир, категорически запрещено являться живым. Нарушение этой грани сулило суровое наказание.

Яньгу устремил на призрака тяжёлый взгляд:

— Чу Сун, слова твоей жены — правда?

Тот опустился на колени рядом с супругой. Вода с его одежд мгновенно залила сухие плиты пола.

— Истинная правда, Владыка.

— Стало быть, ты признаёшь вину? — спросил Яньгу. Его голос был лишён эмоций, но в нём сквозила непреклонная сила закона.

Чу Сун поднял голову:

— Признаю то, что явился ей. Но виновным себя не считаю.

Люцзин изумлённо приподнял брови. Глядя на эту странную пару, он невольно вспомнил

Цзюцина и Синь. Те жили куда проще.

— Ты признался, что переступил закон и напугал её до смерти, но отрицаешь вину? Растолкуй свою логику.

Чу Сун смотрел с отчаянием и застарелой обидой:

— Владыка, почтенный судья! Мы с Бу Вань поженились по сговору свахи, но любили друг друга всем сердцем. При жизни я не глядел на других женщин, не держал наложниц, хранил ей верность. Даже встретив безвременную смерть, я отказался от круга перерождений, обрекая себя на тоскливое прозябание здесь, лишь бы дождаться её. А что сделала она? Не успел мой прах остыть, как она сошлась с другим! Как, скажите, я должен был это терпеть?!

Люцзин украдкой глянул на Яньгу, но тот оставался бесстрастен, внимательно наблюдая за духами.

— Каковы бы ни были её поступки, ты не имел права нарушать законы посмертия, — строго заметил Люцзин.

Чу Сун горько усмехнулся:

— В ту ночь я шёл домой с лёгким сердцем, мечтая хоть мельком увидеть жену и нашу дочь — ей сейчас всего шесть лет. И что же я застал? Моя девочка металась в жару, брошенная в постели, пока её мать развлекалась в объятиях чужого мужчины! Я любил её больше жизни, а она предала мою память!

Он не успел договорить. Бу Вань вскочила, заходясь в рыданиях:

— Развлекалась?! Ты ничего не знаешь, несчастный ты эгоист! Ты сдох в самом расцвете сил, оставив меня одну с дряхлыми родителями и грудным младенцем на руках! Как, по-твоему, я должна была выживать?! На что?!

Ей казалось, что стены судейского зала давят на неё всей своей вековой тяжестью.

— Но ты не должна была ложиться под другого, пока земля на моей могиле не просела! — упрямо процедил Чу Сун.

Бу Вань разрыдалась, закрыв лицо руками. Перед её глазами встали самые страшные дни её жизни: холод, голод и вечный страх за ребёнка.

— Ложиться под другого? Да если бы не Цзян Дун, меня бы давно затащили в весёлый дом за долги! Наша лавка тофу едва приносила гроши. Местные бандиты требовали плату за

покровительство. Когда у меня не осталось ни монеты, они пришли, чтобы забрать меня силой. И только Цзян Дун заступился за нас, выплатил долг и спас от позора! Для тебя всё просто: ты сидишь в своём посмертии и упиваешься своей великой любовью. А я каждый день просыпалась с мыслью, чем накормить твою дочь!

Чу Сун медленно опустился на пятки, его призрачное тело словно обмякло. Очевидно, он никогда не задумывался о том, какую цену пришлось заплатить его семье за выживание. Он ждал её в Фэнду, сотворив в своём воображении красивую сказку о вечной верности, а реальность оказалась грязной и беспощадной.

— Ты говоришь, что любишь меня, — продолжала Бу Вань, её голос сорвался на глухой хрип. — Но ты думал только о себе. Я никогда не просила тебя ждать. И уж точно не желала вечности на двоих в холодном аду. Теперь ты доволен? Ты забрал меня сюда. А как же наша девочка? Ей всего шесть лет! Без матери, без отца... Что с ней будет?!

В зале повисла давящая тишина. Даже бывалые призрачные стражи опустили головы. История молодой вдовы никого не оставила равнодушным.

Чу Сун закрыл лицо руками, сквозь его пальцы заструились призрачные слёзы, смешиваясь с водой, стекающей с рукавов.

— Я виноват... О Небо, что я наделал...

Бу Вань подползла к нему, вцепилась в мокрый воротник его одежды и с яростью затрясла:

— Передо мной тебе не в чем каяться! Ты перед дочерью виноват! Она росла с мыслью, что её безвременно ушедший отец был лучшим человеком на свете. А на деле её родной отец сжил со свету её мать, лишив ребёнка последнего дома и опоры!

Чу Сун разрыдался в голос. Окружающие духи сочувственно вздыхали, но исправить содеянное было уже невозможно. Граница между жизнью и смертью незыблема.

— Владыка! Прошу вас! — Чу Сун упал ниц перед Яньгу, отчаянно колотясь лбом о каменный пол. Раздались глухие удары. Вскоре на его призрачном лбу проступила тёмная субстанция, готовая брызнуть чёрной кровью. — Накажите меня! Пусть моя душа рассеется, пусть я исчезну навсегда! Только верните Вань-эр назад, умоляю! Ей нельзя здесь оставаться, там наша дочь!

Бу Вань безучастно сидела на полу, раскачиваясь из стороны в сторону. На её губах появилась безумная улыбка.

— Вернуть? Ха-ха... Зачем? К чему эти мучения? Там так холодно и страшно... Здесь хотя бы всё закончилось. Умереть... Да, лучше просто умереть. Всем умереть, ха-ха-ха!

Яньгу нахмурился. За столетия своего правления он видел бесчисленное множество сломанных судеб, но подобные трагедии каждый раз оставляли горький осадок.

— Пути жизни и смерти предначертаны Книгой Жизни и Смерти, — холодно произнёс Яньгу, и его голос заставил содрогнуться стены дворца. — Никто, даже я, не властен вернуть душу в остывшее тело. Чу Сун, ты нарушил законы Подземного царства, преступил черту и погубил живую душу. Твоё раскаяние запоздало. За своё преступление ты приговариваешься к заключению в Аду медных столбов на сто лет. Лишь искупив грехи муками, ты получишь право войти в круг перерождений.

Решение было суровым, но справедливым. Закон преисподней не знал исключений.

<http://bllate.org/book/18339/1862722>